

Ланге Карл Георг

Душевные движения

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К23

К23 **Карл Георг Л.**
Душевные движения / Ланге Карл Георг – М.: Книга по Требованию, 2026. –
98 с.

ISBN 978-5-519-92420-7

ISBN 978-5-519-92420-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе французскаго переводчика.

Полагаю, что авторъ этой книжки не нуждается въ рекомендаціи: профессоръ патологической анатоміи въ Копенгагенскомъ университетѣ, хорошо извѣстный въ Даніи и Германіи своими научными трудами, онъ, кромѣ того, приобрѣлъ извѣстность, какъ замѣчательный практикъ по нервнымъ болѣзнямъ; это врачъ и ученый. Во Франціи его преимущественно знаютъ, какъ психолога; Рибо первый познакомилъ читающую публику съ его идеями, вкратцѣ изложивъ и разобравъ ихъ въ своемъ курсѣ аффективной психологіи (1889 г.); съ тѣхъ поръ *Revue philosophique* много разъ цитировалъ его; мнѣ самому недавно приходилось говорить о его теоріи печали. Я рѣшился перевести его книгу, будучи убѣжденъ, что она прочтется съ пользою всѣми, кого интересуетъ столь темный вопросъ о чувствахъ.

Не зная датскаго языка, я переводилъ съ нѣмецкаго текста д-ра Курелла; но принялъ всѣ необходимыя предосторожности, чтобы мысль подлинника была вѣрно передана. Сперва я попросилъ Ланге указать мнѣ тѣ измѣненія, которыя онъ считалъ-бы нужнымъ сдѣлать въ текстѣ Курелла, и мнѣ пріятно заявить, что они были также рѣдки, какъ и незначительны. Затѣмъ, зная французскій языкъ, Ланге охотно согласился взять на себя трудъ пе-

решотра корректуръ, и окончательный текстъ принять уже послѣ его исправленій. Благодарю его за благосклонное сотрудничество, почти придавшее достоинство оригинальнаго текста французскому переводу.

Что такое эмоція (душевное волненіе, душевное движеніе), разсматриваемая со стороны ея психологической природы? Что такое радость, печаль, страхъ? Мнѣ хотѣлось бы въ этомъ предисловіи вкратцѣ изложить идеи Ланге и указать мѣсто, которое онъ занимаетъ въ вопросѣ объ аффективныхъ явленіяхъ.

Для опредѣленія эмоцій обыкновенно довольствуются обращеніемъ къ воспоминаніямъ каждого: *«мы все знаемъ, что слѣдуетъ понимать подъ радостью; мы все знакомы съ печалью изъ ежедневнаго опыта»*. Ланге думаетъ, что пока удовлетворяются такими внутренними самонаблюденіями, приходится отказываться отъ точнаго знанія; слѣдуетъ, напротивъ, отыскивать объективные признаки печали или радости, ихъ наружныя проявленія, которыя позволятъ намъ отрѣшиться отъ чисто личныхъ впечатлѣній. Наука всегда двигалась только такимъ путемъ. Изученіе цвѣтовъ сдѣлалось научнымъ лишь въ тотъ день, когда Ньютонъ открылъ объективный признакъ, различную преломляемость цвѣтныхъ лучей. Сдѣлаемъ то же для эмоцій; откажемся отъ субъективнаго изслѣдованія сознанія, чтобы открывать объективные признаки и сообщать нашимъ изслѣдованіямъ научную точку отправленія.

А эти объективные признаки всѣмъ извѣстны; это—жесты, тѣлодвиженія, органическія явленія, въ которыхъ внимательный наблюдатель не можетъ ошибиться; Ланге подробно ихъ описываетъ для радости, печали, гнѣва, страха, разочарованія, смущенія, нетерпѣнія; а для правильного расположенія своего описанія онъ разсматриваетъ отдѣльно видоизмѣненія, которымъ подвергаются

мускулы двигательные (системы наружной или животной жизни), мускулы висцеральные или органическіе (системы растительной жизни) и мускулы вазо-моторные (сосудодвигательной системы).

Всѣ эти системы могутъ подвергнуться вліянію слишкомъ сильной, слишкомъ слабой или неправильной иннервации; откуда—сокращеніе, ослабленіе, судорожное движеніе; а такъ какъ они могутъ быть различно выражены въ одной и той же эмоціи, то сразу предвидится безконечное разнообразіе комбинацій,—особенно если принять въ соображеніе измѣненія вторичнаго порядка, обусловливаемыя видоизмѣненіями сосудистой системы, въ дѣятельностяхъ двигательной, отдѣлительной, чувствительной, интеллектуальной и т. д.

Возьмемъ, на примѣръ, радость; проанализируемъ совокупность физическихъ признаковъ, которыми она проявляется: въ двигательныхъ мускулахъ иннервация усилилась; веселый человѣкъ чувствуетъ себя легко, онъ жестикулируетъ; дѣти прыгаютъ, хлопаютъ въ ладоши; лицо принимаетъ круглую форму; гортань функционируетъ непроизвольно: появляются пѣсни, изрывы хохота, восклицанія. Въ органическихъ мышцахъ мы не можемъ констатировать ничего ненормальнаго; но вазо-моторная иннервация уменьшилась; кровеносные сосуды расширены; кожа, къ которой притекаетъ больше крови, краснѣетъ и согревается; всѣ отдѣленія, въ особенности слюна, видимо усиливаются, и на глазахъ часто появляются слезы.

Кровообращеніе, болѣе быстрое, способствуетъ питанію тканей; всѣ функціи совершаются лучше, тѣло сильнѣе и здоровѣе, умъ дѣятельнѣе; справедливо говорить, что радость молодить.

Поступая такимъ же образомъ относительно другихъ эмоцій, Ланге получаетъ слѣдующую схему, отъ подробнаго объясненія которой меня освобождаетъ предыдущій анализъ.

Уменьшеніе произ- вольн. иннерваціи. .					Разочарова- ніе.
Тоже.	+	сжатіе сосудовъ. . . .			Печаль.
Тоже.	+	тоже	+	судороги	
		органич		мускуловъ	Страхъ.
Тоже.	+	разстройство координаціи.			Смущеніе.
		+		судорога органическихъ	
Увеличеніе про- извольной ин- нерваціи.		мускуловъ			Нетерпѣніе.
	+	расширеніе сосудовъ			Радость.
	+	тоже	+	раз- стройство координаціи.	Гнѣвъ

Безъ сомнѣнія, многое можно сказать противъ такой искусственной, и въ особенности противъ такой опредѣленной схематизаціи эмоціональных состояній: радость можетъ быть молчаливая и нешумная; страхъ можетъ придать крылья и не парализовать. Самъ Ланге первый готовъ себѣ дѣлать такого рода возраженія, но онъ и не имѣлъ въ виду ни исчерпать этотъ предметъ, ни описать всевозможныя разновидности эмоцій; онъ хочетъ только взять нѣсколько типичныхъ, даже обычныхъ случаевъ, умышленно пропуская исключительные факты. Его задача на самомъ дѣлѣ состоитъ не въ изученіи эмоцій во всѣхъ ихъ формахъ, а только въ опредѣленіи ихъ природы, и приведенные примѣры совершенно достаточны для такого опредѣленія.

Но прежде чѣмъ приступить къ такому опредѣленію, мы можемъ, для упрощенія данныхъ этой задачи, предварительно раздѣлить всѣ перечисленные явленія на двѣ группы, и различать только явленія мускульной иннерваціи и сосудо-двигательныя явленія.

Всѣ видоизмѣненія въ цвѣтѣ, отдѣленіяхъ, питаніи, равно какъ измѣненія во внѣшней формѣ и общей дѣятельности легко могутъ быть сведены къ этимъ двумъ основнымъ порядкамъ явленій; но это сведеніе тотчасъ наводитъ на дальнѣйшее, — и мы должны спросить себя, имѣютъ-ли обѣ группы одинаковое значеніе, въ равной-ли степени они первоначальныя, коренныя, или одна изъ нихъ подчинена другой.

На поставленный въ такой формѣ вопросъ всѣ наши физиологическія знанія позволяютъ дать вѣрный, хотя и неполный отвѣтъ: *разстройства отправления мускульной иннервации не составляютъ причины сосудо-двигательныхъ измѣненій.*

Поэтому намъ остается только рассмотреть, не могутъ-ли измѣненія въ сосудистой системѣ обусловить нервно-мускульныя явленія, которыя мы обстоятельно знаемъ. Сжатіе кровеносныхъ сосудовъ при печали можетъ-ли, черезъ анемію нервной системы, производить мускульную усталость и парезъ (параличъ произвольныхъ мускуловъ)? Распиреніе тѣхъ же сосудовъ можетъ-ли вызвать, посредствомъ повышенной дѣятельности нервной системы, повышенную мускульную дѣятельность, которую отличается радость?

Нельзя на этотъ разъ отвѣчать съ увѣренностью, но всѣ вѣроятности за утвердительный отвѣтъ; мы знаемъ, что малѣйшія перемѣны въ кровообращеніи производятъ глубокія измѣненія въ функціяхъ головного и спинного мозга; лабораторные опыты, какъ перевязка сонной артеріи, или сдавленіе брюшной артеріи (части аорты), стремятся доказать, что анемія нервныхъ центровъ почти всегда вызываетъ парезъ или параличъ мускуловъ, и позволяютъ намъ считать вѣроятной гипотезу о преимущественномъ значеніи вазо-моторныхъ измѣненій.

Впрочемъ, еслибы эта гипотеза и оспаривалась, то общая теорія, которую Ланге предлагаетъ, не будетъ затронута въ своихъ основныхъ положеніяхъ; вазо-моторная гипотеза удобна, но не неизбѣжна для опредѣленія эмоціи.

Что-же такое, наконецъ, *эмоція*, всѣ объективные признаки которой мы представили въ упрощенномъ видѣ? Какова истинная природа этого явленія, знакомство съ которымъ до сихъ поръ ограничивалось лишь описаніемъ его внѣшняго выраженія.

Для обычной психологіи объясненіе очень просто: радость, печаль, гнѣвъ суть таинственныя силы, проявляю-

ція себя движеніями, которыя они сообщаютъ тѣлу. Но, право, слишкомъ малымъ довольствуются, когда блѣдность при тоскѣ объясняютъ тѣмъ, что блѣдность заставляетъ блѣднѣть; въ сущности это обращеніе къ метафизической силѣ совершенно ничего не объясняетъ. Съ другой стороны мы часто видимъ проявленія эмоціи, не будучи въ состояніи указать на какое бы то ни было психическое вліяніе. Веселость отъ вина, возбужденіе отъ галинаша объясняются чисто физическими причинами. Въ психической гипотезѣ нѣтъ ни ясности, ни необходимости.

Для яснаго пониманія природы эмоціи нужно отрѣшиться отъ всякой метафизики, и въ особенности отказаться отъ той идеологіи, которая изъ радости, страха или гнѣва создаетъ настоящія сущности, а ограничиться только изученіемъ фактовъ.

Передъ нами мать, оплакивающая своего сына; обычное объясненіе принимаетъ три момента въ произведеніи этого явленія:

- 1) Воспріятіе или идея;
- 2) эмоція;
- 3) проявленіе этой эмоціи.

Это распредѣленіе страдаетъ непоследовательностью; слѣдуетъ поставить въ обратномъ порядкѣ два послѣднихъ его члена и рассуждать такъ: 1) эта женщина узнала о смерти своего сына; 2) она подавлена; 3) она печальна.

А что такое ея печаль? Просто болѣе или менѣе неясное сознаніе о вазо-моторныхъ явленіяхъ, совершающихся въ организмѣ.

Устраните усталость и вялость мускуловъ, дайте болѣшій притокъ крови кожѣ и мозгу, легкость—членамъ, что тогда останется отъ печали? — абсолютно ничего, кромѣ воспоминанія о вызвавшей ея причинѣ.

Итакъ, во всякой эмоціи есть начальный фактъ, который можетъ быть мыслью, образомъ, ощущеніемъ или даже впечатлѣніемъ; эти мозговые состоянія отражаются различно въ вазо-моторныхъ центрахъ, но эмоція есть всегда только сознаніе органическихъ измѣненій, ко-

торыя вызваны въ организмъ возбужденіемъ этихъ центровъ.

Такова, въ сжатомъ видѣ, теорія, защита которой составляетъ цѣль этой небольшой книги. Для окончательной ея провѣрки требовалось бы уничтожить внутреннюю и периферическую чувствительность у субъекта, чтобы убѣдиться, вызываетъ-ли такое уничтоженіе потерю аффективности; но такой опытъ не возможенъ, ибо уничтоженіе чувствительности ведетъ за собой неспособность къ рефлексамъ и, слѣдовательно, смерть. Поэтому мы вынуждены ограничиваться изученіемъ тѣхъ случаевъ, когда измѣненія общей чувствительности совпадаютъ съ видоизмѣненіями эмоціональности (*émotivité*). Это и сдѣлалъ Ланге для подкрѣпленія своей теоріи, и я думаю, что это единственный методъ, которымъ онъ могъ пользоваться въ данномъ случаѣ. Если Ланге и не вполне убѣждаетъ, то по крайней мѣрѣ видно, что онъ умѣетъ придать своимъ идеямъ наибольшую степень вѣроятности.

Такимъ образомъ эмоція сводится съ одной стороны къ болѣе или менѣе локализованнымъ ощущеніямъ, съ другой—къ явленіямъ сосудистой и мускульной системы. Не будемъ же больше говорить о призрачныхъ сущностяхъ, которыя называютъ страхомъ, гнѣвомъ или радостью; а если и станемъ о нихъ говорить, то ясно сознавая, что они сводятся къ неясно выраженному сознанію объ извѣстномъ количествѣ движеній.

Какъ видно, все сводится къ настоящему механизму. Ланге признаетъ въ нашемъ умѣ только идеи, образы, периферическія впечатлѣнія и внутреннія ощущенія, т. е. интеллектуальныя или чувственныя состоянія, различныя комбинаціи которыхъ порождаютъ все безконечное разнообразіе душевныхъ явленій.

Исходя изъ этихъ принциповъ, не трудно будетъ разложить минимую напряженность аффективныхъ явленій на множество ощущеній; радость болѣе или менѣе интенсивна сообразно тому, расширены-ли въ большей или меньшей степени кровеносные сосуды и участвуютъ-ли въ большей

или меньшей степени въ общемъ процессъ всѣхъ функцій, всѣ мышцы, всѣ ткани; печаль болѣе или менѣе глубока въ зависимости отъ объема и степени сжатія кровеносныхъ сосудовъ. То же самое происходитъ при гнѣвѣ, страхѣ, нетерпѣніи или смущеніи: количество взаимодействующихъ органическихъ элементовъ и чувственныхъ элементовъ обуславливаетъ напряженность эмоціональнаго состоянія.

Какъ бы то ни было, Ланге все-таки указалъ методъ, способный къ развитію и обобщенію; если хотять хоть что нибудь понять въ страстяхъ, то возможно выяснитъ природу основныхъ хотѣній, изъ которыхъ они состоятъ, только посредствомъ анализа органическихъ явленій. Я самъ указалъ (*Revue philosophique*, mai 1892), что извѣстными потребности, какъ голодъ, суть только сознаніе задержанныхъ движеній, невыполненныхъ или затрудненныхъ функцій организма и сознаніе *чуть чуть начинающихся слаяться движеній* (*des mouvements ébauchés*), которыя могли бы, еслибы успѣли совершиться, устранить это тягостное состояніе. Такой анализъ несомнѣнно можно примѣнить къ половому чувству; а нѣсколько такого рода фактовъ, вполне обоснованныхъ и точно изслѣдованныхъ, дадутъ намъ возможность, путемъ умозаключеній, объяснить и болѣе сложныя страсти.

Долго, быть можетъ, придется еще ждать такихъ опредѣленныхъ результатовъ, но мы обладаемъ, наконецъ, методомъ, и этимъ мы одинаково обязаны, какъ Ланге, такъ и В. Джемсу.

Наибольшая трудность всегда будетъ заключаться въ слѣдующемъ: какъ узнать, почему такая-то идея, такое-то представленіе или такой-то образъ сочетаются именно съ тѣмъ или другимъ вазо-моторнымъ состояніемъ; мы можемъ установить факты, но объясненіе этихъ ассоціацій будетъ несомнѣнно трудно, а пока даже и не видно еще, какъ Ланге, или кто нибудь другой, могъ бы дать такое объясненіе. Во всякомъ случаѣ онъ опредѣлилъ эмоцію и фор-

мулировалъ первыя правила для всякаго объективнаго, т. е. научнаго, изслѣдованія аффективныхъ состояній.

* * *

Мнѣ кажется, что книга Ланге выражаетъ собою нѣкотораго рода анти-англійскую реакцію въ его мнѣніяхъ. Установивъ свою схему эмоцій и доказавъ, что иннервация, смотря по мускульнымъ системамъ, можетъ усиливаться или ослабѣвать, онъ прибавляетъ: «Ошибочно, слѣдовательно, считать общимъ правиломъ, и безъ всякаго (другого) объясненія, что эмоція всегда сопровождается увеличеніемъ мускульной дѣятельности»; цитаты же, которыя онъ приводитъ при изложеніи опровергаемой имъ идеи, взяты у Спенсера.

Затѣмъ, въ добавленіяхъ, онъ упрекаетъ Дарвина и эволюціонистовъ вообще, что они извратили вопросъ объ аффективныхъ состояніяхъ, что у нихъ историческая точка зрѣнія преобладаетъ надъ механической и физиологической; несмотря на глубокое уваженіе, питаемое имъ къ автору «*О выраженіи ощущеній*», онъ не считаетъ возможнымъ согласиться съ его направленіемъ.

Много вѣрнаго въ этихъ двухъ сужденіяхъ, хотя въ нихъ, быть можетъ, есть и нѣкоторая доля преувеличенія.

По отношенію къ Спенсеру критика его кажется основательною; чтобы признать ся правильность, достаточно обратиться къ *Основаніямъ психологіи*. «Всякое чувствованіе», пишетъ Спенсеръ, «периферическое или центральное, ощущеніе или эмоція, есть спутникъ нервнаго раздраженія и обусловленнаго имъ нервнаго разряженія, которое оказываетъ на тѣло двоякое дѣйствіе, одно общее и другое спеціальное».

Это разряженіе, пропорціональное чувствованію, распространяется по всѣмъ мускуламъ организма и дѣйствуетъ на нихъ *соразмѣрно* вѣсу и величинѣ тѣхъ частей, къ которымъ они прикрѣпляются; напримѣръ, у собаки радость выражается сначала легкимъ помахиваніемъ хвоста, а у

лошади прижиманіе назадъ ушей есть первый признакъ раздраженія. Это объясненіе эмоціональнаго выраженія посредствомъ закона наименьшаго сопротивленія, несомнѣнно, нѣсколько легковѣсно, и Ланге имѣлъ достаточно причинъ, чтобы отказаться отъ него.

Онъ не можетъ считать правиломъ общій подъемъ энергіи, ибо доказалъ, что иннервация, смотря по мускульнымъ системамъ, можетъ быть увеличена или уменьшена. Онъ могъ бы добавить, что приведенные Спенсеромъ примѣры всѣ взяты изъ явленій радости, гнѣва или нетерпѣнія, т. е. изъ эмоцій, характеризующихся увеличеніемъ произвольной иннервации; англійскому философу, вѣроятно, было-бы гораздо труднѣе приводить аналогичные примѣры изъ области печали или страха, отличающихся уменьшеніемъ или подавленіемъ этой самой иннервации.

Къ Дарвину же Ланге отнесся, быть можетъ, слишкомъ строго.

Это не значитъ, чтобы я хотѣлъ защищать здѣсь дарвинистскую психологію; мнѣ не безызвѣстно, что изъ трехъ господствующихъ въ ней принциповъ объясненія эмоцій, первый едва-ли устоитъ въ настоящее время; я также признаю, что въ книгѣ «*О выраженіи ощущеній*» психологія аффектовъ принесена въ жертву ихъ исторіи: но эта исторія имѣетъ свой интересъ даже съ точки зрѣнія механической теоріи, и при опредѣленіи эмоціи Ланге могъ-бы извлечь изъ нея пользу. Онъ вездѣ хотѣлъ только видѣть мускульную иннервацию, — болѣе или менѣе сильную, болѣе или менѣе правильную, — и безъ всякаго сомнѣнія это явленіе существенно опредѣляетъ органическое состояніе, психическое отраженіе (*retentissement*) котораго получило названіе эмоціи; но во всякой эмоціи существуютъ жесты, позы, автоматическія выраженія, которыя личность сознаетъ, и которыя содѣйствуютъ «цестезіи» *) аффективнаго состоянія; опусканіе бровей

*) *Cénesthésie, coenaesthesia* — „общее сознаніе въ области чувствъ“, „совокупность внутреннихъ или органическихъ ощущеній“.